

— Ваше Величество, — донёлся снаружи голос Ле-эра, — пленник Тун Цзяньмин по Вашему приказанию прибыл.

Услышав, что генерал Тун уже здесь, Его Величество, вдовствующая императрица и Фэн Мин разом притихли, останавливая свою дискуссию. Повернувшись к опущенному подолу, служившему в качестве входа в палатку, Жун Тянь громко приказал:

— Ввести его сюда!

Вслед за этими словами подол приподнялся и в палатку ввалился с крепко связанными за спиной руками Тун Цзяньмин, которого Ле-эр бесцеремонно толкнул вперёд. С того момента, как Лу Дань выкрал Фэн Мина из Силэй, у юноши не было ни единой возможности встретиться с генералом Туном. И вот сейчас, когда генерал появился у них в палатке, князь Мин невольно уставился на этого мужчину, внимательно разглядывая его.

Перед собой он видел выдающегося и уже бывшего генерала Силэй, чьё лицо было изборождено мелкими морщинами и обветрено. Его волосы были растрёпанными и грязными. На военной накидке, что была надета поверх доспехов, виднелись засохшие пятна крови и грязи, которые, впитавшись в ткань, превратились в одно тёмно-жёлтое пятно.

Их первая встреча состоялась, когда Фэн Мин ещё являлся наследным принцем Силэй. И после этого они с генералом Туном стали друзьями. А когда Фэн Мину нужно было ехать в Фаньцзя, Тун Цзяньмин отправился вместе с ним и весь путь охранял его, не давая врагам даже приблизиться к повозке наследника престола. Фэн Мину в голову не могла прийти мысль, что при очередной их встрече генерал окажется в таком плачевном и жалком состоянии.

— На колени! — грозно рявкнул Ле-эр. Его голос был полон гнева на генерала Туна из-за того, что тот предал Его Величество. С силой толкнув мужчину вперёд, юноша вытянул ногу и пнул генерала прямо под колено, заставляя того рухнуть на землю.

— Ле-эр, — строго произнёс Жун Тянь, бросив взгляд тёмно-карих глаз на некогда близкого ему человека. Сам император Силэй сохранял спокойствие и невозмутимость. — Ле-эр, — вновь нарушил мужчину тишину, обращаясь к юноше. — Возьми ещё один стул и подай его генералу, пусть присядет.

Ле-эр опешил от такой неожиданности и, переведя взгляд, поглядел на Жун Тяня. Заметив, что на лице мужчины нет ни тени улыбки, юноша понял — Его Величеству сейчас не до шуток. После чего, нехотя повинуясь приказу императора, юноша сдвинулся с места и сделал несколько шагов вперёд. Подойдя к стулу, Ле-эр взял его и так же нехотя дотащил до пленника. Как только стул оказался за спиной генерала Туна, Ле-эр, даже стараясь сдержать тон, непочтительно рявкнул:

— Эй, садись!

Но выражение лица Тун Цзяньмина совсем не изменилось, продолжая оставаться спокойным и отрешённым.

— Я полководец разбитого войска, — заговорил он, подняв взгляд на Жун Тяня. — Что изменится от того, что я присяду? Я уже Ваш пленник, поэтому делайте со мной всё, что хотите. И нечего мешкать.

Генерал, предавший страну и своего императора, неожиданно проявил капельку своего твёрдого характера. И сейчас, глядя на этого стойкого и серьёзного мужчину, Фэн Мин не мог не восхищаться им.

Ведь именно так должен выглядеть настоящий полководец!

А если вместо генерала Туна они поймали бы этого бесхребетного мальчишку Тун-эра, то он уже давно ползал бы на коленях, умоляя пощадить его никчёмную душонку.

Но опять-таки, глядя на нынешний настрой Тун Цзяньмина, становилось ясно, что убедить его рассказать обо всём, что творится сейчас в Силэй, будет не так-то просто.

Словно прочитав их мысли, генерал Тун выставил свою грудь вперёд и сказал, оставаясь всё таким же непокорным:

— Вас интересуют новости о Силэй?! Я могу вам рассказать, ведь только мне известно всё, что там происходит сейчас. К столице не подступиться, так как войска тщательно охраняют её рубеж. Также в оборонительную систему был внесён ряд изменений. Я лично занимался всем этим. И если вы спросите меня, как пробиться сквозь эти препятствия и уничтожить столицу, то я Вам отвечу — никак! Это практически невозможно!

— Хех, как забавно! — с холодной усмешкой на губах произнёс Ле-эр. — А почему же Вы молчали, когда Его Величество поймал Вас и приставил клинок к Вашей шее? Почему Вы сразу нам не рассказали, где тогда находился Жо Янь? И почему сейчас Вы строите из себя такого героя, а?

Тун Цзяньмин повернул голову и мазнул взглядом по ехидной мордашке Ле-эра. Этот взгляд был настолько полон презрения, что, казалось, ещё немного, и оно начнёт хлестать через край.

— Что за невежественный мальчишка! — сквозь зубы выплюнул слова мужчина. — император Ли Жо Янь является старым врагом Силэй, и я всеми фибрами своей души ненавижу его. Более того, я просто мечтаю его уничтожить. Я расскажу вам, где он прячется, если вы пообещаете мне убить его. Однако, если вы хотите, чтобы я предал моего императора, то вам лучше оставить эту затею!

— Ах ты бунтовщик! — взвился Ле-эр. — Мало того что ты взял своих солдат и устроил засаду

на своего же императора, так ещё осмелился принести клятву верности какому-то самозванцу?! Ну? Ты скажешь хоть что-нибудь в своё оправдание, глядя в глаза своему императору, который сейчас стоит перед тобой?

— Моему императору? Мой император моложе и сейчас находится во дворце Силэй, решая политические дела страны. Как же он может сейчас стоять передо мной?

Какой же это абсурд!

Такой старый и опытный генерал, как Тун Цзяньмин, отказался от своей клятвы и предал Жун Тяня. Даже несмотря на то, что он был схвачен и связан, генерал по-прежнему был предан своему молодому императору, и эта преданность только крепла. А каждое сказанное им слово, каждое его предложение выводили Ле-эра из себя, вызывая в нём бурю гнева и ненависти. В душе юноши всё кипело и клокотало, готовясь вырваться наружу. Терпение лопнуло, и, открыв рот, Ле-эр уже хотел высвободить весь свой гнев, окатив проклятиями генерала, как вдруг раздался повелительный голос Жун Тяня:

— Ле-эр, ты можешь идти.

— Но, Ваше Величество, он...

Но предупреждающий взгляд Жун Тяня заставил Ле-эра замолчать, оборвав того на полуслове. Раздражённо фыркнув, юноша одарил Тун Цзяньмина гневным взглядом, после чего, повинуясь приказу, вышел прочь.

Как только подол за Ле-эром опустился, в воздухе внезапно воцарилась тишина.

Никто не проронил ни слова. Ни Тун Цзяньмин, который всё так же упрямылся, предпочитая умереть, чем покориться. Ни император Силэй, что стоял неподалёку и которого предали. Ни мать-императрица, которая находилась за спиной своего сына, гордо восседающая на стуле. Ну и сам Фэн Мин, который, похоже, был единственным в этой компании, кто вёл себя дружелюбно. Немного взбив подушку, что лежала под ним, юноша удобно устроился на ней и первым всё же решил нарушить это долгое молчание.

— Генерал Тун, — мягко заговорил он, — мы пригласили Вас сюда только для того, чтобы побеседовать с Вами. Вы ранены и быстро устанете стоять, поэтому Вам лучше присесть.

Но мужчина даже не шелохнулся, продолжая упрямо стоять на ногах и сделав вид, что ничего не слышит. Почувствовав себя не в своей тарелке, Фэн Мин осторожно повернул голову и поглядел на Жун Тяня, который прекрасно понял этот взгляд. Приложив кулак к губам, Его Величество дважды кашлянул и произнёс:

— Тун Цзяньмин, я прошу Вас, присядьте, пожалуйста.

Продолжая стоять посредине палатки всё так же со связанными руками за спиной, Тун Цзяньмин с присущим ему достоинством и решительным видом ответил:

— Я, Тун Цзяньмин, великий полководец Силэй, буду подчиняться только императору Силэй и никому больше.

В прошлом этот мужчина был очень предан Жун Тяню. Но сейчас он вёл себя совершенно иначе, будто его кто-то подменил. И никто не знал, чем его пришлось опохмелить, чтобы заставить мало того что служить верой и правдой Тун-эру, так ещё и разговаривать с Жун Тянем так, будто тот ему совершенно посторонний человек. Такая неясность вызывала лишь недоумение, от которого каждый терялся в догадках, не зная, то ли плакать ему, то ли смеяться.

Фэн Мин и Жун Тянь обменялись взглядами, оба чувствуя, что от этого абсурда у них потихоньку начинает болеть голова.

— Тун Цзяньмин, — внезапно раздался голос вдовствующей императрицы, которая сидела неподалёку от пленного и всё это время молчала. — Ты же знаешь, кто я такая, так почему же ты не поприветствовал меня?

Холод, звучавший в её голосе, пробирал до самых костей, заставляя даже генерала Туна невольно вздрогнуть от страха.

От его бездействия лицо женщины стало ещё мрачнее. Её злило такое упрямство, ведь она не какая-то там простолюдинка, а сама вдовствующая императрица! Поэтому, глядя на упрямого генерала, который всё так же продолжал стоять на ногах, женщина холодно фыркнула:

— Я жена покойного императора Силэй и императрица Силэй. Даже юный император Тун-эр, увидев меня, опускается на колени, чтобы поприветствовать Моё Величество. А ты... Неужели ты настолько презираешь меня, что больше не хочешь признавать свою императрицу?

— Я... это...

— Тот, кто не признаёт в лицо свою императрицу, — предатель! И ты предатель. Поэтому я не могу позволить тому, кто носит клеймо предателя, стоять передо мной и разговаривать в подобном тоне! Ах, как жаль, что семье Тун, которая на протяжении веков верой и правдой служила государству Силэй, злодейка-судьба послала такого ужасного ребёнка, как ты. Предатели, пытающиеся захватить власть в стране, заслуживают смертной казни. Неужели ты думаешь, что я позволю такому предателю, как ты, выкопать себе могилу на кладбище семьи Тун?

Мать-императрица была достойна своего титула. Её гнев обрушился на голову мятежника, словно снежная лавина, которая разом погребла под собою всю его гордость. От её слов мурашки прошлись по спине Тун Цзяньмина, и тот в одну секунду покрылся холодным потом. Его спина немного ссутулилась, а выставленная вперёд грудь сдулась, словно она была

воздушным шариком, который проткнули иглой.

С минуту мужчина стоял как истукан. Слушая, как его ругает вдовствующая императрица, генерал терялся в догадках и не знал, что же делать. Как бы он ни старался, ему сложно было игнорировать такую персону, и мужчина в конце концов сдался. Тяжело и протяжно вздохнув, генерал завис в глубоком поклоне, говоря:

— Тун Цзяньмин приветствует Её Величество!

Проведя во дворце столько лет, Её Величество хорошо изучила дворцовый этикет, и сейчас, холодно хмыкнув, она показала мужчине свою признательность. Та строгость, что была у неё на лице, потихоньку стала исчезать, смягчая прекрасные черты.

— Присаживайтесь, — приказала женщина, — и давайте уже побеседуем.

На этот раз Тун Цзяньмин повиновался и тихо опустился на стул.

Глядя, с какой лёгкостью вдовствующей императрице удаётся повелевать упрямым генералом, Жун Тянь решил поступить по-хитрому. Вместо того чтобы начать допрос, мужчина передал всю власть и ход дела своей матери, а сам взял на себя роль её скромного сына. После чего, подойдя к столику, мужчина наполнил чашечку чаем и, взяв ту двумя руками, почтительно протянул её матери.

Приняв из рук сына чашку чая, женщина поднесла её ко рту, сделала глоток и, подняв голову, поглядела на подол, что висел напротив неё и закрывал собою вход.

— Оглядываясь назад, — не зная, что придумать, медленно начала вдовствующая императрица, — я вспоминаю, как наши предки храбро сражались, проливая кровь, и всё во имя Силэй и её процветания. И семья Тун не была исключением. Она следовала за нашими предками, помогая им завоевать эти земли. Отвоевав Силэй, они получили высокий статус, более того, они получили право командовать армией, а затем они породнились с императорской семьёй, и эти узы длятся до сих пор. Позже, став членами совета, они создали семью и провозгласили её семьёй Тун. И каждый раз, когда упоминалась семья Тун, все одиннадцать стран тут же вспоминали о достижениях её членов в войне и какую неоценимую помощь те оказали государству Силэй. — С каждым словом её голос теплел, а сама женщина всё чаще вздыхала, предаваясь далёким воспоминаниям: — Находясь на смертном одре, мой император сказал мне: «Пока наследный принц молод, он будет находиться под защитой князя Жуна, который спрячет его во внутреннем дворце, где его будет охранять генерал Тун. Так что Вашему Величеству не стоит волноваться». Прошло уже много лет, а я до сих пор помню его слова. Но ты, вместо того чтобы защитить, посмел обнажить меч и приставить его к горлу моего сына. И вот как я могу не расстраиваться и не переживать?

Стоило вдовствующей императрице вспомнить своего покойного мужа, как её глаза стали краснеть, медленно наполняясь слезами. Тёплое чувство любви незамедлительно охватило сердце женщины. Но это чувство длилось всего лишь мгновение и вскоре исчезло вместе с

горячей слезой, которая обожгла её нежную кожу, сорвавшись с ресниц.

Сидя перед вдовствующей императрицей и слушая всё, что она говорит, Тун Цзяньмин резко изменился в лице. А увидев, как с глаз женщины потекли слёзы, мужчина почувствовал нестерпимую боль, сжимающую его сердце. Да так, словно тысяча ядовитых змей впились в него, не давая даже свободно вздохнуть. Не в силах больше терпеть, генерал резко вскочил на ноги и выпалил:

— Ваше Величество, я... я...

Рухнув на колени, мужчина подполз к вдовствующей императрице и, подняв голову, продолжил:

— Покойный император был покровителем семьи Тун, которая никогда не забудет его доброту. И если Тун Цзяньмин стал предателем Его Величества, то пускай молния поразит меня и превратит в прах прямо здесь и сейчас!

Эти слова сильно удивили Фэн Мина:

— Твой Тун-эр незаконно занял трон и провозгласил себя императором Силэй, а ты, взяв своё войско, чуть не убил Жун Тяня. Разве это не предательство?

Тун Цзяньмин обернулся и впился взглядом в Фэн Мина, и не думая скрывать всей злости, что сейчас плескалась в его глазах.

— Как у Вас вообще язык повернулся сказать, что Тун-эр незаконно занял престол? — прошипел мужчина, стараясь испепелить юношу взглядом. — Жун Тун является законным наследником, так как в его крови течёт императорская кровь. А этого более чем достаточно, чтобы занять престол, и Её Величество как никто другой знает об этом.

Они давно были знакомы друг с другом, и князь знал, что генерал Тун всегда вёл себя сдержанно и никогда не повышал на него голос. Однако сейчас, впервые увидев злобный блеск в глазах этого мужчины, Фэн Мин невольно вздрогнул от испуга и, резко втянув голову в плечи, проговорил:

— Жун Тун должен был вступить на престол только после смерти правящего императора. Но ведь Жун Тянь всё ещё жив, поэтому спрашивается: почему второй наследник занял престол ещё живого императора Силэй? Разве он имел на это право? Вы же его родной дядюшка, тогда выходит, что и Вы тоже хотели, чтобы Ваш племянник стал правителем.

От этих слов Тун Цзяньмин изменился в лице. Сначала оно стало бледно-розовым, а вскоре и вовсе ярко-алым.

— Это всё ты... — прорычал генерал, впившись яростным взглядом в юношу. — Если бы ты не советовал Жун Тяню внести изменения в национальную политику и не оскорбил всех выдающихся членов совета, которые годами верой и правдой служили Силэй, то ничего этого не произошло бы! Жун Тянь является наследником покойного императора, но он проигнорировал все законы, что были установлены его отцом, и самовольно изменил все традиции наших предков, оставляя их в прошлом. И после этого как мы, простые смертные, могли преданно идти за ним? Подчиняясь воле покойного императора, Тун Цзяньмин делал всё, чтобы защитить интересы Силэй. Так что глупо называть меня предателем, ведь на самом деле это он предал Силэй! — Произнося это, мужчина перевёл взгляд и поглядел на Жун Тяня, прибывая того к месту, словно гвоздём к деревяшке.

От этого заявления Фэн Мин обомлел.

Слова Тун Цзяньмина звучали крайне убедительно, и если бы юноша не знал всей сложившейся ситуации, то наверняка поверил в то, что Жун Тянь предатель.

Князь Мин был ошеломлён таким заявлением предателя Туна, и это было заметно по его лицу, которое сейчас выглядело глупо, но в то же время невероятно мило. Медленно переведя взгляд с мужчины, Фэн Мин невинными глазами уставился на Жун Тяня и спросил:

— Жун Тянь, я что, действительно советовал тебе внести изменения в законы, установленные покойным императором, меня внутреннюю политику Силэй?.. Или во что-то нечто подобное?

Если Фэн Мин действительно советовал внести некоторые изменения, то почему же тогда он ничего не помнит об этом?

Жун Тянь пожал плечами и уже хотел что-то сказать, но вздох, сорвавшийся с губ вдовствующей императрицы, остановил его. Тяжело вздохнув, женщина опустила голову и, поглядев на Тун Цзяньмина, промолвила:

— Вдовствующая императрица услышала тебя. Оставь это. Сейчас ты можешь подняться с колен, а этот разговор мы продолжим как-нибудь в другой раз. Мы не станем тебя винить в том, что произошло, потому что ты здесь абсолютно ни при чём — это целиком и полностью вина императора.

Тун Цзяньмин уже мысленно приготовился к смертной казни. Но неожиданно, услышав слова вдовствующей императрицы и её «это целиком и полностью вина императора», мужчина обомлел, словно ему вlepили пощёчину. Он чувствовал себя так, будто его душа преступника и предателя, покинув эту бrenную землю, встретилась с милостью Небес. Никакими словами нельзя было описать то, что сейчас творилось с этим гордым и непреклонным генералом. Все чувства, что таились в его душе, тотчас же нахлынули на мужчину и захлестнули с головой. Почувствовав, как комок подступает к горлу, Тун Цзяньмин выкрикнул: «Ваше Величество», и горячие слёзы в тот же миг обожгли лицо этого грозного полководца. Его плечи мелко задрожали, а сам мужчина разрыдался, словно маленький ребёнок.

Прислонившись к спинке кровати, Фэн Мин наблюдал за сценой, которая разворачивалась у него перед глазами точно так же, как когда-то наблюдал за всякими блокбастерами, что шли по телевизору. Юношу до глубины души удивило то, с какой лёгкостью вдовствующая императрица смогла заставить этого генерала, готового принять свою смерть, сжаться в комок и громко разрыдаться, захлёбываясь слезами.

Пока Фэн Мин наблюдал за Тун Цзяньмином, Жун Тянь то и дело поглядывал на него, такого расслабленного, утопающего в мягкости кровати и подушек. Однако, заметив, с каким любопытством это милое создание наблюдает за генералом Туном, мужчина не выдержал. Сдвинувшись с места, Жун Тянь подошёл к кровати и, сев на её край, с серьёзным видом спросил:

— Ты хочешь пить? Или, быть может, устал? Мы можем отложить этот допрос. — Шепча эти слова, мужчина нагло пробрался под одеяло и, добравшись до бедра князя, начал нежно поглаживать его, наслаждаясь бархатностью кожи.

От подобной наглости Фэн Мин чуть не завопил, вовремя прикусив свой язык. Ему было ужасно неловко, ведь он не где-нибудь, а перед вдовствующей императрицей и рыдающим Тун Цзяньмином. Стараясь держать себя в руках, юноша схватил лапу Его Императорского чудовища и дрожащим голосом прошептал:

— Ты... ты... ты... можешь держать свои руки при себе, а не творить ими всё, что в голову взбредёт?!

— Просто позволь мне прикоснуться к тебе и узнать, как чувствует себя твоё больное местечко.

— И как же ты это узнаешь?

Пока Фэн Мин с Жун Тянем мило переговаривались между собой и выясняли самочувствие князя, Тун Цзяньмин, уже перестав захлёбываться слезами, тихо всхлипывал у ног Её Величества. Глядя на мужчину, Вдовствующая императрица приказала ему подняться с колен и снова сесть на своё место.

— Жун Тянь, — вновь заговорила женщина, обращаясь к сыну, — подойди и развяжи генералу Туну руки, так как я не привыкла разговаривать с цзунцзы[1].

— Слушаюсь, матушка. — И мужчина, встав с места, подошёл к пленному. Достав кинжал, Жун Тянь взял узел верёвки и одним рывком перерезал его, высвобождая затёкшие руки Тун Цзяньмина. Затем, спрятав кинжал, Его Величество снова вернулся к кровати и с довольным видом уселся на своё место.

Как только все всхлипы и рыдания наконец-то прекратились, военнопленный Тун Цзяньмин повиновался и, прервав своё молчание, начал рассказывать о ситуации, творящейся в Силэй.

Примечания:

[1] цзунцзы — кушанье из клейкого риса с разнообразными начинками в бамбуковых или др. листьях, традиционно готовится на 粥

<http://bllate.org/book/13377/1190188>